

Андрей ДМИТРУК

Фантастический рассказ

Безымянная планета, пока что обладавшая только номером в каталоге ЗП (земноподобных), не была чрезмерно опасной для разведчиков, но и не радовала их уютом. Была она заключена в двойной кокон, две оболочки — облачную и бологную. Можно было годами путешествовать по ней и не видеть ничего, кроме гусклого блеска мелких стоячих вод, ядовито-зеленой плесени с отдельными островами джунглей. В болотах копошилась обильная прожорливая жизнь, рожденная темно-красным солнцем.

Но катер земной разведки все-таки вспорол облачное покрывало, поскольку в заманчивой близости от болотного мира серебрился в небе объект Икс.

Во время полета Виола, обычно мало интересовавшаяся космологией, задала неожиданный вопрос:

— Ты мне можешь объяснить по-человечески, что это такое — ваш объект Икс?

— По-человечески?! — Улдис отставил чайный стакан. — А впрочем, Ви, ты права, — я слишком привык к специальной терминологии... Этот Икс совершенно не похож ни на что известное нам... У него есть линейные размеры, но полностью отсутствуют масса, тяготение, вообще какие-либо признаки стационарного вихря континуума...

— Спасибо. Считаю, что я поняла.

— Ну-у, девочка моя, я даже не подозревал, что разведчики не знают азов метатеории абсолюта!

— Так же, как абсолютисты не знают азов навигации, — что для них еще более стыдно, поскольку корабли называются абсолютистскими.

Улдис давно убедился, что способность Виолы язвить намного превосходит его собственную, а потому пошел на мировую:

— Хорошо, согласен, слушай. Любая элементарная частица есть стационарный вихрь пространства-времени; субстанция пространства-времени, «скручиваясь» в вещество, проходит промежуточное состояние, некогда названное единым полем. Единым, потому что тогда еще не нашли формул абсолюта, рождающего континуумы... Одним словом, вокруг любого сгустка вещества должна быть переходная область от вещества к «чистому» континууму — область гравитации, электромагнитного, мезонного, нуклонного и других полей. Ясно? А вокруг Икса ничего такого нет.

— Ага, — сказала Виола, стараясь не выглядеть слишком невежественной. — Значит, Икс — это не вещество?

— Похоже, что так. Бьернсон предложил интересную идею: по его мнению, Икс представляет собой микроконтинуум, то есть самостоятельную изолированную вселенную, метагалактику. Взаимное притяжение всех находящихся в Иксе тел равно энергии их общей массы; таким образом, вся энергия сбалансирована внутри Икса и не может излучаться в наши измерения.

— Забавно! — обрадовалась Виола. — Вселенная — карлик, которая плавает в нашей... в большой.

— Да, с вашей точки зрения, — карлик, не больше Юпитера.

— И там, внутри, тоже есть галактики, звезды, планеты — может быть, разумная жизнь?

— По законам абсолюта, возникающие континуумы подобны.

Виола прихлебнула остывший чай. Ее взгляд, уставленный в глубину голоэкрана, стал шальным и отрешенным, губы тронула улыбка. Улдису нравились в ней эти внезапные переходы настроений, но они же и печалили физика, потому что являли всю неуловимость, непредсказуемость Виолиной души. Оставалась вечная тревога, боязнь спугнуть, потерять...

— А мы когда-нибудь проникнем туда... внутрь Икса?

— Кто знает!

— А если проникнем, что с нами случится?

— Ничего особенного. Наши базисные частицы, мельчайшие дискретные вихри, будут восстановлены в местном континууме и, стало быть, совместятся по масштабу с базисными частицами Икса. Эта вселенная будет для нас такой же необъятной, как наша.

Виола нехотя оторвалась от созерцания черного провала, с привычной ясностью и твердым прищуром глянула на Улдиса. — И вы собираетесь... ломать, долбить эту вселенную вашими страшными генераторами?

...Теперь, во время четвертой экскурсии после посадки, их окружала равнина цвета бриллиантовой зелени, — бескрайнее поле больших и малых мохнатых пузырей монотонно убегало под закругленный нос гравихода. Приближаясь, разводила концы в стороны, разгибалась тупая подкова сиреневой опушки леса.

И Виола сказала Улдису:

— Ул, дай мне таблетку. Видишь — начинается!

Он уже и сам видел. Над машиной металась, то рассыпаясь в стороны, то почти облепляя обзорный купол, стайка маленьких летучих существ. «Лицо» каждого из них представляло собой один сплошной глаз под складчатой шапочкой верхнего века. Каждый летуа то вдруг надувался скользким мячом, то, резко выбросив из себя воздух, делался тощим и стройным. Пролетал несколько метров, а затем распускал белесый цветок тонких перепон, медленно планируя и надуваясь для нового прыжка.

Прямо по курсу лопнула в нескольких местах плесень. Выбросившись из воды, полудюжиной мощных присосок влипла в купол сизая, желто-пятнистая тварь, со стороны брюха напоминавшая грубый шестиугольник. Посреди брюха у твари был круглый рот, окаймленный жесткой шерстью.

Виола съела наркотическую таблетку и теперь спокойно касалась биопанели. Сама она никак не могла справиться с тошнотой, возникшей при виде обитателей болот. Улдис же из-за обостренного самолюбия не хотел пользоваться таблетками и теперь сидел бледный, вжавшись лопатками в спинку кресла и стиснув подлокотники.

Разведчица сняла тяготение вокруг купола — и тварь, мигом свернувшись в тугой кулак, отлетела и плюхнулась в воду. Очевидно, ее напугала потеря веса.

...Виола и Улдис уже несколько раз испытали на себе странный обычай местной фауны, скапливавшейся вокруг лесистых островов, — нападать в определенном порядке, будто по составленной кем-то программе. Сначала появлялись летучие наблюдатели, затем гравиход атаквали мелкие вредоносные особи, их сменяли все более активные и сильные твари, вплоть до гигантских экземплярков, — и, наконец, если гравиход не обращался в бегство, наваливалась масса скользких тел, кольчатых волосатых щупалец, присосок, заливала купол бурой и красной слизью и бесновалась до тех пор, пока машина не уходила прочь от леса. Тогда чудовищный груз сползал, сваливался в воду.

Увы, на сей раз отступать не приходилось. Болотный мир был избран физиками для строительства колоссальных генераторов. Отсюда, и только отсюда можно было вести правильную осаду объекта Икс, обрушивать на него удары различных энергий — частот «единого поля...». Перед посадкой Улдис и Виола вывели катер на орбиту спутника планеты и несколько дней собирали данные о ее поверхности. Остров, к которому они теперь приближались, — шапка непроходимого леса диаметром в пятьдесят километров, — относительно сухой и богатый рудами, был самой удобной строительной площадкой.

...Тогда, на катере, Улдис подумал: «Вот так она всегда меня ловит. Всегда? Весь полет. Я вынужден обдумывать каждое свое слово более тщательно, чем когда бы то ни было. И я уже, честное слово, плохо помню, что было со мной до полета. Как будто всю жизнь смотрел в карие глаза Виолы и напряженно подбирал слова для разговора. Виола никогда не хитрит, и я «ловлюсь», попадаю в неловкие ситуации со своим профессионально изощренным мышлением именно благодаря ее прямолинейности. Что, если бы полет происходил сто лет назад, на релятивистском звездолете, и мы с ней действительно летели бы всю жизнь? Как летят еще где-то прадеды, которых наши современники снимают с медлительных кораблей или ждут в местах назначения...»

— У нас нет другого выхода, Ви. Надо же как-то исследовать Икс. Если будем ждать, пока появятся лучшие методы исследования, так ничего и не дождемся, просто остановится прогресс науки. Ясно? Новые методы можем создавать только мы сами, и только всесторонне проверив старые, на базе экспериментального материала.

— Но ведь там могут погибнуть целые населенные галактики! Это стоит прогресса твоей науки?

Улдис попытался отшутиться:

— А-а, карамазовский вопрос...

— Стоит или не стоит, Ул?

— Еще не факт, еще далеко не факт, что Икс действительно Вселенная.

— Все равно! Раз есть хоть один крошечный шанс, нельзя трогать Икс! Нельзя!

Вот такой он ее просто обожал. У него дух захватывало, когда Виола, раздумавшись, ослепительно сверкая карими глазищами, обрушивала на Улдиса порыв радости или гнева.

— ...В конце концов, сам Бьернсон должен быть против! Это... это чудовищно, это будет самое большое преступление в истории! Я заставлю Совет Координаторов выслушать меня, подниму все Круги Обигания! Вы считаете, что разведчик не имеет права голоса, что он — раб интеллектуальной элиты!.. Даже если меня никто не поддержит, имей в виду: в день эксперимента я поставлю свой корабль между излучателями и объектом Икс!

«И заставишь, и поднимешь, и поставишь свой корабль, если захочешь, кто перед тобой устоит, звезда моя!» — мысленно восторгался Улдис. Хотелось уткнуться ей в колени и со всем, со всем заранее согласиться. Но мужское самолюбие приказывало не поддаваться, переспорить, победить:

— Как это все нелепо, милая моя! Двести лет назад Фридман считал, что некоторые элементарные частицы тоже могут быть микровселенными, галактиками, с разумной жизнью. Но из-за этого никто не перестал строить ускорители, сталкивать частицы друг с другом! Так почему же мы должны, в угоду отвлеченным домыслам, отменять реальный физический эксперимент?

...Позже, с орбиты катера, они увидели однажды зрелище, неправдоподобное даже с точки зрения разведчика. В изумрудно-зеленом проливе между островами столкнулись две лавины болотных тварей, словно каждый из островов выслал свою армию. Плесень была взбаламучена, пролив быстро стал грязно-бурым, и в нем возилось что-то, казавшееся сверху массой свежих по-

трохов. А на следующий день плесень опять затянула пролив, и острова соединила, словно мост, выросшая за ночь лесная перемычка...

...Сейчас же остров пытался всей своей силой раздавить гравиход. Из тесноты стволов, чьи кроны напоминали бурую цветную капусту, из всех щелей живой, волнующейся чаши поползли, будто взбудораженные пожаром, темные, липко блестящие тела. Природа, подобно гениальному живописцу, не придерживавшаяся никакой определенной школы, — природа под низким небом сырого и жаркого мира занялась сюрреализмом.

Гравихорд, повинувшись пальцам Виолы, с быстротой мигания резко увеличивал и уменьшал тяготение вокруг себя, то высоко подбрасывая атакующую массу, то обрушивая ее со стократно увеличенным весом на поверхность воды, на берег. Так двигался гравиход, по касательной взлетая над берегом, и лес рывками расступался и смыкался под его днищем, как шерсть, в которую дуют.

А затем атака прекратилась, только новые летуны-наблюдатели стайкой взмыли из чаши взамен уничтоженных, повисли парашютиками, надуваясь...

...Заканчивая болезненно-напряженный разговор, Виола сказала категорически:

— Я знаю долг разведчика, и я выполню его. Ваша группа получит все необходимые данные. Но если мы вернемся, я тоже сделаю все, что обещала.

Разведчики никогда не говорили — «после возвращения», а всегда только: «если вернемся». Нелюбовь загадывать на будущее превратилась у них в суеверие, так же, как привычка напутствовать друг друга фразой: «Большой удачи, легкой смерти». У Виолы шансы прожить еще год были в десятки раз меньше, чем у десантника, проходившего по следам разведки; в сотни раз меньше, чем у строителя, с целым флотом являвшегося в мир, изученный разведкой и освоенный десантом. Улдис почти не надеялся, что его связь с Виолой продлится дольше полета. Разведчики жили мгновением; к тому же он прекрасно чувствовал, что восторг первых дней угас у Виолы, наделенной как способностью увлекаться, так и изрядным скепсисом, — угас и сменился разочарованием, равнодушием. Может быть, она искала ведущую опору? Человек эпохи абсолютистских кораблей никогда не чувствовал необходимости что-либо скрывать, поэтому Улдис знал во всех подробностях историю недавнего странно одностороннего, «духовного», но тем не менее очень яркого романа Виолы. Романа с еле живым, начиненным протезами биологом Куницыным на планете Химера, где оба они — Виола и Куницын — налаживали контакты с негуманоидным разумом. В описаниях сердечной подруги, да и в космических хрониках, Куницын выглядел святым: сплошной научный подвиг, постоянная игра со смертью, редкая самоотверженность. Вот это был экземпляр мужчины, подходящий Виоле. А он, Улдис? В минуты самых жарких объятий он ощущал себя лишь халифом на час, ловким говоруном, подвернувшимся в момент женской слабости... или, что еще менее лестно, опустошенности.

Куницын умер, успев изменить всю жизнь Виолы, — именно после его смерти она бросила десантную базу на Химере и стра-

стно занялась разведкой. Куницын умер, но образ его царил. Это было обидно — чувствовать, что никогда не сравняешься с покойником, что к близости с тобой только снисходят.

И Улдис окончательно замолчал после холодных, твердых слов Виолы, ставших под сомнение возможность эксперимента. Молча выплеснул остатки чая в утилизатор, бросил обе чашки в мочный шкаф и занялся полетными расчетами. Но не успел он еще положить пальцы на биопанель ввода, как его шею вдруг обвили гибкие руки, и шелковисто-сухие губы Виолы прижались к его щеке...

...Испуганно дернулись губчатые осклизлые стволы, росшие словно из сплошного ковра пористой резины. Жирные ползучие канаты вобрали свои белесые, слепо шарящие по воздуху отростки. Гравиход мягко лег на днище в центре острова. Лес окружал большую, голую, болотистую программу, красноватобурную глиняную топь, на которую по краям напоздали живые языки резинового ковра. Не показывались перепуганные твари, и даже бесстрашные летуны деликатно парили в отдалении. Машина выбросила паучьи ноги эффекторов, вооруженных бурами. Предстояло взять на разной глубине образцы грунта.

При погружении буров никакие скачки тяготения не были допустимы, поэтому приходилось защищаться иначе. Улдис открыл нижний сегмент купола и сел на борт с пистолетом в руке. Но никто не спешил нападать.

— Да, гнусное местечко, — сказал Улдис. — Но, честное слово, мне почему-то не хочется улетать. Хотя и делать нам тут больше нечего. Мне кажется, что на Земле...

Виола, отчужденно следившая за приборами, так и не узнала, что же должно произойти на Земле. Шкала отметила вход бура-3 на глубину 1034 сантиметра и резкое падение сопротивления, словно бур вошел в желе. После этого все буры были выброшены из почвы с такой силой, что блестящие лапы эффекторов лопнули в сочленениях и со звоном ударили по куполу, разбив его, как яичную скорлупу.

Купол экранировал экипаж от ударов гравитации, поэтому Виола не смогла отбросить вдруг налетевшую бешеную свору болотных жителей. Оставалось только удивляться, какая сила торпедировала со всех сторон эти неуклюжие сгустки мяса, перепонки и щупалец... Стараясь не смотреть ни на что, кроме биопанели, Виола рывком, против всех правил, дала машине вертикальный взлет. Липкое и тяжелое ударило сзади по шлему, пенные белые сосульки мазнули панель, оставив полосы. Затем из-за спины сверкнула радужная вспышка выстрела и яростно закричал Улдис.

С надрывным свистом гравиход мчался вверх — присоски и клейкие тяжи лопались, соскальзывали с его боков.

— Ви, у меня пистолет забрали, — сорванным голосом сообщил Улдис. — Просто из руки вырвали!

Она обернулась. Друг сидел мешком, уронив руки на колени, и жалобно моргал. Прямые рыжие пряди волос прилипли к его лбу. Скафандр отталкивал жидкость, но пол и сиденья были залиты багровой, в молочных разводах секрецией, густой, как кисель и, очевидно, смрадной.

— Как вырвали?

— Не знаю. Я одного расквасил, а тут... смотрю, уже весь пистолет опутан какими-то нитями, вроде грибницы. Ну, и выдержу ли, ясно?

Ох, как ее раздражало это вечное «ясно»! Ничего еще не было ясно, а если бы и стало, то наверняка не в пользу Улдиса. Их отношения становились вынужденными, последние дни Виола была ласковой только из чувства морального долга.

Она протянула руку к Улдису — и отдернула. В шлеме друга отразилась радужная вспышка. Хорошо знакомая радужная вспышка пистолетного выстрела над головами, в стеганом ватном небе.

Промах.

Еще вспышка — гораздо ближе и ярче. Плазменная «пуля» взорвалась рядом, гравиход задрал правый борт, и к нему угрожающе рванулся снизу, на мгновение встав дыбом, шевелящийся мохнатый лес.

От толчка Улдис повалился прямо на биопанель, машина заплясала, заметалась.

Выстрел. Очевидно, беспорядочные рывки гравихода спасли его от попадания. Улдис ползком пробрался к Виоле, схватил ее кобуру. Виола, также пряча голову, молча боролась, не давала вытащить пистолет. Но физик был сильнее...

Едва освободившись от хватки друга, она заставила гравиход продолжить танец, и Улдис, успевший принять боевую стойку с пистолетом в руке, опять позорно грохнулся между креслами.

— Не смей, слышишь?

— Прошу тебя, Ул, милый... — бормотала Виола, не снимая пальцев с панели и глядя только на приближающуюся зеленую равнину. — Не надо, не надо, мы уже сейчас улетим отсюда, не стреляй, не...

Слезы потекли неудержимо, стали пощипывать шею, скапливаясь в горловине скафандра. Она не хотела оглядываться на Улдиса. Виоле было страшно, как никогда в жизни, и совсем не потому, что сзади красивыми замедленными прыжками догоняла машину стайка глазастых летунов...

— Имитаторы! — орал Улдис, лежа животом на крышке продуктовой камеры. — Я о таких читал — не помню, в какой системе они водятся. Это никакой не разум! Они просто подражают моим действиям! Ясно?

Теперь его только радовало отсутствие купола. Поерзав, Улдис зацепился носками ботинок за стебли кресел, прицелился через кормовой борт. Он был охотником, был воином на тропе войны — до чего звонкое, полноценное ощущение! А главное, он впервые почувствовал себя сильнее Виолы. Где-то в подсознании шевельнулось предчувствие расплаты, но тотчас же сменилось отчаянной лихостью, злорадной насмешкой над самим собой: «чем хуже, тем лучше!» Это было глупо, по-мальчишески, но Улдиса «несло», как в юные годы, когда он специально говорил жестокие слова девушкам, которые ему нравились...

Он выстрелил — и попал.

Передний летун, тащивший пистолет в сетке белых нитей под парашютиком, вдруг вспыхнул, почернел, коряво растопырился, и оружие кануло вниз, намного обогнав в падении пепел стайки.

— Они только имитируют, Ви, это у них такая форма борьбы

за существование, я читал — молодецки кричал Улдис, поскольку необходимость оправдаться безудержно росла. Шлемофон ответил только неровным дыханием подруги.

Над опушкой, где бахрома шлангов-ризондов шевелилась в цветущей тине, Виола бросила гравиход вниз. Машина почти коснулась днищем зеленых пузырей. За ней волочились мертвые эффекторы, прокладывая рваную черную дорожку чистой воды.

И тогда от опушки, от самых корней моргнула радужная вспышка, и гравиход завыл, получив смертельную рану. Встал на дыбы, грязный, облепленный тиной — и забулькал, проваливаясь в болото...

Улдису совершенно не верилось, что это — последняя минута его жизни, что сейчас перестанет существовать Улдис Гаудиньш, физик-абсолютист, любитель красных и желтых тонов в одежде, коллекционер немецкой гравюры XV века, единственный сын... Улдис Гаудиньш — единственная неоспоримая реальность, Я, автономная вселенная, объект Икс...

Он не был трусом, даже любил легкое чувство опасности, ударяющее в нос, как газ из выпитой шипучки. Он часто, особенно в полетах, воображал себе последнюю минуту, но воображал ее какой-то возвышенной, Последней Минутой, героически-торжественной, полной особо острых ощущений. А реальность оказалась иной. Организм застраховал себя от лишних страданий, наслал оцепенение на мозг. И Улдис стоял с пистолетом, уже по щиколотку в болотной жиже, стоял и почти безучастно смотрел, как, совсем близко бултыхаясь в зелени, бурые щупальца передают друг другу маленький блестящий предмет. Так готовили выстрел эти новые имитаторы, и летуны как ни в чем не бывало трясли парашютиками и поскакивали, чуть не задевая шлемов.

— Да, — сказала Виола и отобрала пистолет. Улдис не сопротивлялся, даже закивал одобрительно, когда она выстрелила в сторону, просто так, в белый свет, для демонстрации, а потом швырнула их последнее оружие в гущу лоснящихся спин и присосок. Он начинал кое-что понимать и почти не удивился, увидев, что вся эта путаница агрессивного мяса отступает, тащится обратно к берегу.

Виола приказывала катеру выслать второй гравиход, называя координаты. А Улдис, как и она, уже по колено в воде, завороженно смотрел на ее резковатый, почти мужской, но такой юный и совершенный профиль, с невысохшими ленточками слез на оливковых щеках, с буйными кольцами черных волос, которым тесно в пузыре шлема.

Только теперь он понял до конца, почему так почтительно-удивленно зашептались в Службе отправления на космодроме, узнав, что разведывательный полет выполняет Виола Мгаладзе. Почему так явно завидовали ему молоденькие техники, готовившие корабль.

Есть люди, созданные для космоса, для сюрреалистического мира вечных сюрпризов. И необязательно это самые эрудированные, самые логичные, даже самые талантливые в своей области. Необязательно — самые храбрые, выносливые, уверенные и веселые. Вероятно, все дело в том, что люди, созданные для космоса, умеют с ним договариваться. Может, это просто самые добрые люди? Так сказать, гении этики?..

Ему вдруг представилась странная, сказочная картина. Виола (без шлема, во всей красоте реющих волос) стояла, грудью и распростертыми руками заслоняя что-то огромное, бесформенное, какую-то пульсирующую громаду, местами непроглядно-темную, местами сияющую. Конгломерат мрака и огней, покоя и бешеного движения.

Возможно, был там и объект Икс, отныне на долгие годы спасенный от всяких экспериментов, поскольку Земля не позволила опустошить под строительство даже клочок планеты, на которой применима этика.

Возможно, в странно-упорядоченном хаосе за спиной Виолы защитницы гнездилися и сам болотный мир. Затейливая планета, пастбище разумных воющих островов. Надо же! В центре каждого из лесных массивов отсиживается под почвой некто, управляющий легионом движущихся глаз, ушей, ноздрей, языков, рабочих и кормящих органов, каждый из которых, возможно, был когда-то самостоятельным живым существом. Эх, посмотреть бы на него, «лесного царя», что поработил местную фауну, превратил могучих тварей в придатки своего неподвижного тела...

А может быть, придатки тела — в могучих тварей?..

Когда-нибудь узнаем. Придет время, и здесь величаво опустится крейсер десанта, из него выползет армия машин, и начнется работа. Тотальное освоение того, что Виола поняла и освоила интуитивно, не имея почти никаких на то оснований, поняла прежде, чем «глаза» и «руки» леса начали передавать друг другу похищенный пистолет.

Теперь я верю в Виолу, заслоняющую собой всю Метагалактику.

А я не выдержал экзамен. При всем своем сомнении, при всей абсолютистской эрудиции. Я провалился, и моя судьба решена. Пожалуй, лучше будет сделать усилие и уйти самому, якобы по собственной инициативе...

— Двадцать два семьдесят пять, даю пеленг... Не надо, Ул, тебе не о чем беспокоиться, у нас все хорошо, правда? Я только вначале перепугалась, а теперь все прошло. Ну, улыбнись же!

Вода, к счастью, была вязкой, широкий и плоский гравиход погружался очень медленно. Улдис послушно улыбнулся. Он тоже был из этой Метагалактики, а значит, Виола заслоняла и его...

